

— Какого рода гость может иметь Дыхание Демона в своих Путих Боевых Меридианов? — Сун Цзюэфэй снова холодно усмехнулся. — Прошло шестнадцать лет, ты до сих пор считаешь меня дураком?

Нин Фухуань лишь беспомощно вздохнул:

— Ты даже можешь разглядеть остатки Дыхания Демона в его меридианах, неужели не видишь, что они давно разрушены? Младший брат, мы же взрослые люди, давай будем благоразумны.

Однако прежде невозмутимый Сун Цзюэфэй вдруг пришел в ярость, словно его задели за живое. Его фигура слегка задрожала, а голос налился сталью:

— Не смей называть меня младшим братом! Сегодня никто отсюда не выйдет!

Едва он закончил фразу, фонари снаружи лавки погасли, обе створки дверей с грохотом захлопнулись сами собой, подняв в помещении облако пыли.

Чэн Цяньжэнь инстинктивно выставил меч перед собой, отступая к прилавку, и рывком потянул за собой остоленевшего Гу Сюэцзяна.

Следом на них обрушилось подавляющее давление. В тот момент, когда Чэн Цяньжэня сковал ужас, кто-то молниеносно схватил его за шиворот и одним рывком переместил в другое место.

Дверь на кухню, обычно прикрытая лишь занавеской, была открыта. Хозяин, держа их обоих за шивороты, втянул их внутрь и захлопнул дверь ногой — всё одним отточенным движением.

Пыль осела мгновенно.

Как только Чэн Цяньжэнь пришел в себя, он услышал снаружи яростный окрик:

— Нин Фухуань, от чего ты прячешься!

Затем раздался глухой удар о дверные полотна. Тонкие доски каким-то чудом сдерживали чудовищную мощь, лишь осыпаясь трухой.

Гу Сюэцзян вырвался из хватки хозяина и зашелся в кашле.

Он оцепенел не от замедленной реакции — просто и Нин Фухуань, и Сун Цзюэфэй были существами опасными, и кто из них был меньшим злом, определить было невозможно.

Чэн Цяньжэнь же размышлял меньше. Хозяин платил ему жалованье больше года, и подсознательно он ему доверял.

Теперь они втроем оказались заперты в полумраке кухни, отделенные лишь тонкой доской от

демона, вышедшего напрямик из десяти кругов ада.

Сила противника была непостижима. В тот момент, когда погасли фонари, пространство вокруг было полностью заблокировано. Что бы здесь ни произошло, внешний мир не узнает и не почувствует ничего.

Пока высшие мастера из Южного военного округа или Академии Наньюань поймут, что случилось, они с хозяином уже превратятся в пепел.

Мысли Гу Сюэцзяна метались, он заставил себя успокоиться и посмотрел на человека, которого привык считать простым владельцем лапшичной:

— Старший, у вас ведь есть план, верно?

Хозяин, как обычно, выглядел ленивым. Он медленно подошел к плите, присел на корточки и начал копаться в грудe хлама, бормоча себе под нос:

— Какой у меня может быть план? Понятия не имею, что у него в голове. Если я умру, некому будет даже сходить на могилу учителя.

Голос снаружи стал еще громче:

— Я всё слышу! Ты еще смеешь поминать могилу?! Выходи, сегодня я сам очищу наши ряды от такого позора!

От новых, еще более яростных ударов двери жалобно заскрипели, словно утлая лодка в шторм.

Чэн Цяньжэнь был близок к панике. Если плана нет, зачем провоцировать врага?!

Но по привычке помощника он, видя, что хозяин что-то ищет, подхватил подсвечник, чтобы осветить ему путь, и поспешно спросил:

— На дверях есть массив? Сколько он продержится? Что вы ищете? Артефакт?

Разве артефакты хранят среди корзин с овощами и дров?!

Однако спокойствие хозяина передалось и ему. Он подумал: раз этот человек — легенда, значит, он должен быть очень силен.

Но хозяин ответил:

— Массив давно не использовался. Сколько продержится — трудно сказать.

Чэн Цяньжэнь окончательно перепугался — это было даже хуже, чем узнать, что хозяин потратил четыре ляна серебра на поддельное вино:

— Тогда поторопитесь! Вопрос жизни и смерти, босс!

Хозяин резко поднялся:

— Чего ты торопишь? Вот же, нашел!

В его руке был длинный черный меч.

Стряхнув с ножен прилипший овощной лист и смахнув пыль, он улыбнулся Чэн Цяньжэню:

— Похоже, тебе не уйти... Ты ведь нуждаешься в деньгах? Оставайся, помоги мне, и я дам тебе триста лянов.

Чэн Цяньжэнь чуть не выронил подсвечник:

— Сейчас?! Я не только нуждаюсь в деньгах, я еще и жить хочу, босс!

— Тем лучше. Нас тут трое, двое из нас — калеки, так что всё зависит от тебя...

Говоря о калеках, хозяин со спокойной совестью указал на Гу Сюэцзяна... и на себя.

Чэн Цяньжэнь: «Погодите, что?!»

****25. Ночной бой****

Раздался оглушительный грохот, вся кухня затряслась, готовая рухнуть, в воздухе закружились осколки дерева, камней и пыль.

Казалось, еще секунда — и жестокая сила разнесет дверь, превратив их в кровавое месиво.

Чэн Цяньжэнь стоял, весь в пыли, и в отчаянии крикнул:

— Хватит шутить!

Хозяин достал точильный камень, поставил на разделочную доску таз с водой и, к изумлению присутствующих, притащил табурет и сел:

— Кто шутит? Его меридианы разрушены, конечно, он калека. Меч я использовать не могу, я тоже калека. Ты пока поддержишь, а я наточу меч.

Из-за слухов о Нин Фухуане Гу Сюэцзян относился к нему с опаской, но, видя, как Чэн Цяньжэнь общается с ним по-старому, немного расслабился:

— Мы, конечно, подчинимся вашему плану, старший, но Чэн Сан не справится. Он не продержится и мгновения. У вас есть флаги массива? Я попробую укрепить защиту...

Чэн Цяньжэнь не был столь спокоен:

— Как я должен держаться?!

Хозяин сидел невозмутимо, полил точильный камень водой и медленно вытянул меч. Глухой звук лезвия, выходящего из ножен, заставил зубы ныть.

— Не будь таким неблагодарным. К чему эти притворства? Сними печать со своих меридианов.

Чэн Цяньжэнь бросился к нему, хватая за шиворот:

— О чем ты вообще говоришь? Я не понимаю!

Хозяин увернулся:

— Не снимешь сам — я сниму!

Сложив пальцы крюком, он перехватил руку Чэн Цяньжэня, сдавил запястье и резко влил силу.

— А-а-а! — взвыл Чэн Цяньжэнь.

В его меридианы ворвался яростный поток энергии. Острая боль, подобная пламени, охватила всё тело.

Он услышал отчетливый хруст. Но это была не кость — словно рухнул какой-то невидимый барьер.

Хозяин нахмурился: «Надо же, как плотно запечатано», — и, не останавливаясь, ударил Чэн Цяньжэня ладонью в правое плечо, вывернул левую руку, развернул его и нанес еще три удара в спину!

Снова раздался хруст. На лбу Чэн Цяньжэня вздулись вены, он не мог даже кричать от боли.

Жжение распространялось по костям и жилам, но каждый участок, охваченный огнем, словно очищался, и тело становилось всё легче.

Нин Фухуань действовал невероятно быстро. Когда Гу Сюэцзян подбежал ближе, он застыл в изумлении.

Вокруг Чэн Цяньжэня бурлила энергия, черные волосы развевались, а давление росло с каждым мигот, пока не остановилось на Стадии Очищения Ци: Завершение!

— Бейся так же, как бился раньше.

— Неважно, кто твой противник, ты должен знать, кто ты такой!

У Чэн Цяньжэня звенело в ушах от боли. Он смутно услышал эти слова, а затем, после легкого «Иди!», почувствовал мощный толчок в спину. Ноги сами понесли его вперед.

В этот момент дверь разлетелась в щепки. В облаке обломков показался Сун Цзюэфэй.

Он по-прежнему сидел в кресле-каталке, в белых одеждах, но в руке у него был длинный ярко-алый хлыст, делавший его облик еще более грозным, а черты лица — еще более порочными и прекрасными.

Между ними пролегал барьер из золотого света. Это был односторонний массив: снаружи войти было нельзя, но изнутри выйти — вполне.

Чэн Цяньжэнь, не сбавляя инерции, вылетел сквозь барьер. Увидев взметнувшийся хлыст, он инстинктивно увернулся.

Сун Цзюэфэй не ожидал, что выскочит именно он. Хлыст ударил по прилавку, разнеся его в щепки и раздробив плитку на полу!

Сун Цзюэфэй прорычал:

— Нин Фухуань, ты подставил другого, чтобы тот принял смерть вместо тебя!

Нин Фухуань не обратил на это внимания, продолжая точить меч.

Он лишь взглянул на побледневшего Гу Сюэцзяна и бросил ему сверток:

— У меня руки заняты. Мой Меридиан Тайсью разорван, соедини его временно, иначе нам не победить.

Гу Сюэцзян развернул ткань — внутри оказался ряд сверкающих золотых игл.

Он запаниковал еще сильнее Чэн Цяньжэня:

— Старший, я не умею!

Использовать внешнюю силу, чтобы соединить разорванные меридианы — неслыханное дело! Этот человек сошел с ума?! Даже если эти золотые иглы — мощный артефакт, у меня сейчас нет ни капли Истинной Ци, как я могу его активировать?!

— Не нужно уметь, просто делай, как я говорю, и не дрожи. На иглах выгравирован массив. У тебя нет Истинной Ци, но она есть в моих меридианах...

Гу Сюэцзян, следуя указаниям, вытащил иглу, стараясь сохранять спокойствие и твердость пальцев.

В то же время ярость Сун Цзюэфэя достигла предела:

— Долго ты будешь прятаться? Ладно, вы всё равно трупы, начну с него!

Он взмахнул запястьем, и хлыст, подобно дракону, с ревом устремился к Чэн Цяньжэню!

Хлыст еще не достиг цели, но волна энергии уже ударила в лицо. Чэн Цяньжэнь перекатился под столом, вскочил и швырнул стол в сторону противника.

«Хлесь!» — стол разлетелся в щепки, хлыст замедлился на мгновение, но ударил с прежней силой, отправив Чэн Цяньжэня в полет!

Удар пришелся прямо в грудь. Из рта Чэн Цяньжэня брызнула кровь, он рухнул на пол, разбив плитку.

Всё тело пронзила нестерпимая боль, словно он горел заживо. Зрение затуманилось, и он не знал, сколько ребер у него сломано.

Сун Цзюэфэй усмехнулся:

— Ты достоин держать меч «Божественный ужас»? В этом мире только мой учитель был достоин этого оружия!

Чэн Цяньжэнь с трудом поднял голову. Он видел, как кончик хлыста метит в его запястье, разрушая всё на своем пути.

В голове прозвучали слова хозяина.

Опираясь на меч, он стиснул зубы, поднялся и выхватил клинок из ножен.

Хлыст был уже рядом, давление давило на плечи, жизнь висела на волоске. В его меридианах что-то вспыхнуло, и молниеносный танец хлыста в его глазах вдруг замедлился.

В это самое мгновение Чэн Цяньжэнь рубанул мечом по хлысту. Раздался звон, полетели искры.

Отдача отозвалась болью в запястье, но он, сжимая рукоять обеими руками, нанес еще три удара.

«Дзынь! Дзынь! Дзынь!»

Лезвие, очищенное от ржавчины, засияло зеркальным блеском.

Сун Цзюэфэй хотел переломить парню запястье и забрать священный меч, но не ожидал, что лезвие будет так упорно сопротивляться.

Разъяренный, он изменил технику, вложил всю свою Истинную Ци в хлыст, обвив Чэн Цяньжэня и с силой швырнув его вниз!

«Грохот!»

Огромная разница в уровнях была непреодолимой пропастью. Чэн Цяньжэнь не успел увернуться.

В полу образовалась огромная воронка, лапшичная дрожала, готовая рухнуть.

Когда пыль осела, человек в луже крови по-прежнему сжимал меч в руке.

Перед глазами Чэн Цяньжэня всё плыло, сознание угасало.

Он подумал: «Я не могу умереть здесь. Чжюлю ждет, когда я вернусь домой».

Нин Фухуань одной рукой прижимал точильный камень, другой — большой палец к лезвию, время от времени поливая его водой. Он думал: «Хорошее приобретение. Обычно точил кухонные ножи, чтобы резать овощи, а теперь точу меч — работает не хуже».

В его спине торчали десятки золотых игл, но выражение лица оставалось спокойным:

— Иглу в точке Дашу держи крепче, поверни на пол-оборота на восток.

Гу Сюэцзян повернул иглу, его лицо было мертвенно-бледным, а на лбу выступил холодный пот — он нервничал в сто раз сильнее того, кого кололи.

Нин Фухуань молчал, но Гу Сюэцзян понимал, насколько это опасно: малейшая ошибка — и меридианы лопнут, а человек погибнет. А если Сун Цзюэфэя никто не остановит, они все умрут.

Слыша звуки боя, он боялся отвлечься хоть на секунду. Время словно растянулось, и неизвестно, сколько прошло, пока он наконец не услышал:

— Хорошо.

Гу Сюэцзян, словно лишившись всех сил, осел на пол и тяжело выдохнул.

Нин Фухуань сдул капли воды с клинка и поднялся.

Высокая библиотека Академии.

На верхнем этаже вместо книжных стеллажей — множество подсвечников.

Медные лотосы, словно цветы, проросшие из деревянного пола. Свечи мерцали на ветру, переплетаясь в тени.

У окна стоял низкий столик, двое сидели, скрестив ноги, и играли в шахматы.

Луна была яркой, весенний ветер приносил тепло.

Один — молодой книжник, другой — в черном, с суровыми чертами лица и черным длинным ножом подле себя.

****26. Ночной бой (часть 2)****

Верхний этаж библиотеки — самая высокая точка юга континента.

Если смотреть в окно, над головой — россыпь звезд, внизу — тени величественных зданий Академии, вдалеке — огни тысяч домов города Наньян.

Если зрение достаточно острое, можно увидеть еще дальше.

Когда это здание построили, книжник любил любоваться видами.

Сквозь облака можно было разглядеть снега на вершинах Павильона Меча, величественные дворцы императорской столицы, стены, отделяющие пустыню от снежных земель.

Теперь всё это наскучило, осталась лишь игра в шахматы.

Его противник играл черными. Он загнал белые камни в тупик, но не стал заканчивать партию, а медленно произнес:

— Ты встревожен, лучше пока не играть.

Молодой книжник вздохнул:

— У меня предчувствие, что Сун Цзюэфэй снова придет в город Наньян.

Черный мечник упрекнул его:

— Ты делал гадание?

Книжник потер нос:

— Интуиция.

Человек в черном сказал:

— Ты сам видел, какой ценой ему далась Техника Кровавого Побега. Нет смысла платить такую цену, чтобы вернуться и попасть в ловушку.

— Тоже верно. Может, я слишком много думаю.

— Вечно ты витаешь в облаках!

Книжник не обиделся на упрек, небрежно перемешал черные и белые камни на доске и рассмеялся:

— Я не только витаю в облаках, я еще и веду себя как попало. Как ты теперь выиграешь эту партию?

Мечник потерял дар речи:

— ...Что за благородный муж, просто негодяй.

Этот книжник — заместитель ректора Академии Наньюань Ху Син, Ичжи — его второе имя. Мечника звали Чу Ланьчуань, студенты называли его господин Инспектор.

У них были разные характеры, но схожий возраст и уровень мастерства. Они вместе управляли Академией, в свободное время играли в шахматы, любовались цветами, пили чай и спорили.

Инспектор как раз восстанавливал позицию камней, как вдруг повеяло весенним ветром. Воздух задрожал, пламя свечей затрепетало, а тени лотосов затанцевали.

Оба изменились в лице и одновременно поднялись.

— Кто-то вошел в город, и очень быстро.

— Около десяти человек, с севера... Люди из императорской столицы?!

Город Наньян — крупнейший административный центр южных провинций. Делами управлял императорский двор, но ядро защитного массива находилось под контролем Академии Наньюань. Эта высшая власть означала и ответственность за безопасность Наньяна.

Центр управления массивом находился здесь, на верхнем этаже библиотеки. Множество потоков энергии Неба и Земли сходились здесь, позволяя чутко реагировать на любые изменения.

Любой мастер высокого уровня, проезжая мимо или посещая город, если не хотел скрывать свое присутствие, обязан был затронуть линии массива. Поэтому обычно заранее присылали уведомление, чтобы их не приняли за врагов. Это было негласное правило.

Сейчас массив подал сигнал: кто-то ворвался в Наньян ночью, и их намерения были явно недобрыми.

Ху Ичжи посмотрел в окно:

— Всё равно в шахматы не играем, раз уж всё равно делать нечего, пойдем посмотрим?

Инспектор подхватил нож:

— Твои раны не зажили, жди здесь, я пойду.

Сказав это, он прыгнул на подоконник и спрыгнул вниз.

С вершины башни, уходящей в облака, он, подгоняемый ветром, исчез в бескрайней облачной дали.

Свеча тускло освещала край стола и тонкие черты лица ребенка.

Чжулю закрыл книгу и потер переносицу.

Уже очень поздно. Даже если брат встретил в Западном квартале Гу Сюэцзяна или Сюй Жаня, они не могли засидеться так долго.

«Надо пойти поискать его».

Он накинул одежду и толкнул дверь. Весенний ночной ветер ударил в лицо. Он вышел во двор и внезапно остановился.

Ночь была тихой, и любые звуки слышались отчетливо: капель водяных часов, шелест листвы, стрекот насекомых и... шаги.

Шаги со всех сторон.

Поэтому он не пошел вперед, а повернул на кухню.

Чтобы найти тесак.

Чэн Цяньжэнь стоял на коленях, опираясь на меч. Весь в крови, он видел всё как в тумане.

Когда алый хлыст обрушился на него с ужасающей мощью, он ничего не мог сделать. Каждая кость словно была раздроблена, и он тратил все силы лишь на то, чтобы не упасть.

Яростная энергия срезала пряди его волос, на щеках появились мелкие порезы, из которых сочилась кровь.

В тот момент, когда смерть была близка, вспышка меча ослепила его, и Чэн Цяньжэнь инстинктивно зажмурился.

Раздался звон — открыв глаза, он увидел клинок, замерший между кончиком хлыста и его веками.

Лезвие сияло, отражая его окровавленное лицо.

Удар обухом меча отбросил хлыст.

Нин Фухуань появился словно из ниоткуда и встал перед ним.

Сун Цзюэфэй остановил атаку. Кресло-каталка само собой подъехало на два шага вперед:

— Решил выйти?

Нин Фухуань повернулся и вложил в рот Чэн Цяньжэню таблетку, медленно ответив:

— Наши счета — это наше дело, зачем вредить другим?

Чэн Цяньжэнь с трудом проглотил пилюлю, чувствуя, что этот человек — не его хозяин.

Как хозяин может стоять так прямо? И говорить так серьезно?

Сун Цзюэфэй на мгновение опешил. Вот он, настоящий Нин Фухуань.

Шестнадцать лет в изгнании, без оружия в руках.

Но когда он держит меч — меч остается тем же, а человек — тем же.

Это вызвало у Сун Цзюэфэя неприятное чувство.

Словно все эти годы не имели значения, и всё было как тогда.

Он крепче сжал хлыст, его пальцы побелели:

— Почему ты убил учителя? Ты не хочешь говорить, я не спрашиваю. Но спрошу в последний раз: за эти шестнадцать лет ты хоть раз раскаялся?

Нин Фухуань опустил взгляд на меч и равнодушно произнес:

— Никогда.

Сун Цзюэфэй в ярости рассмеялся:

— Хорошо, хорошо! Сегодня я убью тебя и отомщу за учителя!

Хлыст снова взметнулся. Нин Фухуань, одной рукой отправив Чэн Цяньжэня под стол в углу, бросился навстречу.

Удар был мягким. Неизвестно, подействовала ли пилюля, но острая боль утихла наполовину, оставив лишь жжение в груди.

Боль давала понять, что он жив, и он подумал: «Лучше уж так, чем потерять сознание».

Он прижался к стене. Стена за его спиной содрогалась, но стол скрывал обзор. С потолка сыпались пыль и камни, тени хлыста и блеск меча переплетались. Слыша резкий звон, он понял, что балки не выдерживают — крыша могла рухнуть в любой момент.

Вдруг хозяин глухо застонал — видимо, был ранен, но всё равно пробормотал:

— Младший брат, ты стал сильнее, вот только хлыст у тебя паршивый.

«В такой момент ты еще продолжаешь провоцировать его?!» — подумал Чэн Цяньжэнь, сжимая меч и выглядывая из-под стола. Если хозяин умрет, они все не жильцы.

Он, преодолевая давление, смотрел на двоих. Сун Цзюэфэй, сидя в кресле, двигался свободно, хлыст, подобно дракону, обвивался вокруг меча, но каждый раз отбрасывался.

Нин Фухуань сплюнул кровь, сохраняя всё то же наглое выражение лица:

— Если бы ты использовал меч, я бы давно умер. Где твой меч Линьшуан?

Он увернулся от яростного удара, кончик хлыста пробил крышу, черепица разлетелась вдребезги, впуская внутрь ночной ветер.

Нин Фухуань воспользовался моментом и вылетел наружу. Сун Цзюэфэй ударил по столу, взлетел вместе с креслом, пробив крышу, и лавка наконец рухнула.

Среди грохота и пыли кто-то подхватил Чэн Цяньжэня за руку. Он обернулся — это был Гу Сюэцзян.

Гу потянул его:

— Бежим.

****27. Ночной разговор****

Сун Цзюэфэй парил в воздухе, волосы развевались, глаза налились кровью.

Нин Фухуань знал, что тот вошел в состояние одержимости и становится сильнее с каждой секундой. Не желая причинять ему вред, он лишь отступал:

— Раз барьер разрушен, нас легко найти. Если не уйдем сейчас, те, кто охотится за тобой, скоро будут здесь.

<http://bllate.org/book/21041/2140662>